# ПРОГУЛКА въ ЛЮБЛИНО,

## 1825 г. 5 Августа.

Ежели Москва, сія знаменитая столица Царства Рускаго, заслуживаетъ вниманіе не только Россіянина, но даже и иноземца, то не менѣе занимательны и ея окрестности. — Выдьте за которую угодно заставу, и вездѣ, или точнѣе сказать, на каждомъ шагу, встрѣтите предметы достопамятные, или историческимъ событіемъ, или какимъ нибудь случаемъ, означающимъ *древній бытъ* предковъ нашихъ; таковымъ безъ сомнѣнія можно почесть и загородную дачу покойнаго Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Дурасова, *Люблино*, столь извѣстную каждому Москвитянину.

Едва только оставите вы за собою Спаскую заставу, какъ увидите съ правой стороны село Ко..о-

менское и монастырь, такъ называемый Перервинской; а съ лѣвой старо-обрядческое кладбище. Не нужно говорить, какія сіи противуположные предметы, произведутъ въ умѣ странника мысли; семиверстный путь отъ Москвы до Люблина сократится оными: взглядъ на славное Коломенское приведетъ на память тѣ минувшія времена, когда Цари наши, оставляя Московскій Дворецъ свой, удалялись въ сіе убѣжище мирныхъ сельскихъ удовольствій и проводили здѣсь время весны и лѣта; знаменитое село сіе напомнитъ вамъ и Царя Грознаго и Царя Алексѣя Михайловича—солнце земли Рускія.—Нѣсколько подалѣе лежитъ монастырь Перервинской, къ коему примыкаетъ дача Г-на Дурасова же, такъ названная Самаровою Горою; и здѣсь любопытный испытатель минувшаго найдетъ обильный источникъ къ размышленію. Какъ пре-

лестна и мила здѣсь природа! все улыбается, все живетъ! небрежно раскиданные кустарники и кущи лѣса по зеленѣющимся лугамъ, обворожаютъ взоръ и чувства! — Лѣвая сторона дороги слишкомъ единообразна, но здѣсь старообрядческій монастырь и кладбище могутъ занять приведеніемъ на память тѣхъ временъ, когда заблужденіе, олсѣпивъ умы слабыхъ простолюдиновъ призраками фанатизма, производило мятежи и крамолы; мудрое Правленіе и распространившееся просвѣщеніе, давно уже уничтожили заблужденіе, и водворили благословенный миръ во всѣхъ сословіяхъ.

Но вотъ вы подъѣзжаете къ половинѣ шестой версты, и прекрасная обсаженная деревцами дорожка на правую руку представляется глазамъ вашимъ;—читайте надпись на путеуказателѣ: „Въ Люблино.“ — При одномъ названіи семъ, сердце

ваше не можетъ не почувствовать какого-то тайнаго удовольствія: при одномъ названіи семъ, памяти вашей представится прежній *бытъ* Бояръ нашихъ и отличительная черта онаго—*гостепріимство*; спросите каждаго Москвитянина о Люблинѣ, и онъ съ восторгомъ разскажетъ вамъ, какъ въ недавнемъ еще времени Люблино занимало жителей столицы, и служило для нихъ однимъ изъ лучшихъ загородныхъ гуляньевъ; разскажетъ вамъ, какъ гостепріимный хозяинъ съ радушіемъ Рускаго помѣщика встрѣчалъ знакомыхъ и незнакомыхъ на дачѣ своей, и какъ для всякаго отворенъ былъ прекрасный садъ его, домашній театръ и даже самый домъ его. — Вездѣ, въ цѣломъ мірѣ, человѣкъ любитъ весну и лѣто; а мы — жители хладнаго сѣвера — наслаждаемся оными еще съ большимъ, противъ другихъ народовъ, удовольствіемъ: постоянное измѣ-

неніе погоды по временамъ года, а особливо суровость зимы, предшествующей веснѣ, придаетъ болѣе обворожительныхъ прелестей обновляющейся природѣ и, такъ сказать влечетъ изъ города въ сельское убѣжище; здѣсь, дыша чистымъ воздухомъ, чувства наши дѣлаются мягче, а сердце удобнѣе къ принятію всего того, что возвышаетъ духъ нашъ; предки наши знали это и пользовались симъ; съ весьма давнихъ временъ вошло въ отечествѣ нашемъ въ обыкновеніе, что Бояре Рускіе проводятъ весну и лѣто въ деревняхъ или загородныхъ дачахъ, любятъ строить ихъ, украшать, и удалясь отъ городскаго шума и самаго величія — пищи честолюбцевъ, успокоиваются въ объятіяхъ благотворной природы.

Разсматривая Исторію, мы точно видимъ, что Цари наши любили строить загородные дворцы и проводить въ нихъ время, — Ца-

рямъ подражаютъ Царедворцы и Вельможи: — основываясь на семъ, можно почти навѣрное заключить, что и Люблино—цѣль нашего описанія, принадлежало какому нибудь знаменитому боярину временъ отдаленныхъ, и, можетъ быть, весьма близкому къ трону Царей нашихъ; яснымъ доказательствомъ таковаго предположенія, — по мнѣнію моему,—должно служить то, что Люблино находится недалеко и отъ Москвы, и отъ села Коломенскаго, столь извѣстнаго намъ по Исторіи и столь любимаго Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. —Любопытно бъ было узнать происхожденіе названія сей дачи? —Къ сожалѣнію, намъ не осталось никакихъ преданій о семъ урочищѣ; но вникая въ древнія обыкновенія, въ мѣстоположеніе сей дачи и въ разныя историческія происшествія, можно выводить о семъ слѣдующія заключенія:

1-е, Уже извѣстно, что Цари наши вообще любили охоту и занимались ею, а Царь Алексѣй Михайловичъ былъ къ ней даже и пристрастенъ; мѣсто занимаемое Люблинымъ и понынѣ удобно для сего предмета, и такъ не было ли оно по сему любимымъ мѣстомъ Царей, и не отъ сего ли названо Люблино?—Пріятность мѣстоположенія сей дачи и разборъ слова Люблино весьма благопріятствуетъ такому заключенію.

2-е, Въ древности было (почти вообще) обыкновеніе давать названіе городамъ, урочищамъ и даже людямъ по какому-нибудь или особенному физическому качеству ихъ, или по какому-либо знаменитому случаю, долженствующему увѣковѣчить память ихъ для потомства; основываясь на семъ, и не относя существованія Люблина далѣе временъ Царя Алексѣя Михайловича, можно положить, что

оно заимствовало имя свое отъ города Люблина, въ царствованіе сего Государя взятаго Россіянами; можетъ быть, кто нибудь изъ Воеводъ нашихъ отличилъ себя при взятіи Люблина и въ числѣ милостей Царскихъ получилъ сіе урочище, съ правомъ, именовать его Люблинымъ, въ память знаменитаго своего подвига.

Вотъ, что можно предполагать о описываемой нами дачѣ, (Люблино); но основательно утверждать того или другаго не могу: мало уже осталось мѣстъ, коихъ древность и истинныя обстоятельства засвидѣтельствованы были бъ лѣтописями; и такъ удовольствуемся теперь свѣдѣніями о сей дачѣ, относящимися только ко временамъ позднѣйшимъ.

Дача сія, принадлежавшая Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Николаю Алексѣевичу Дурасову, нынѣ по наслѣдству перешла

во владѣніе родной сестры его, Генералъ - Лейтенантши Аграфены Алексѣевны Дурасовой.

Поворотивъ съ большой дороги на правую сторону, вы до самаго Люблина не теряете изъ виду Москвы, находящейся по правую руку вашу; село Коломенское и монастырь Святаго Николая на Перервѣ, или просто Перервинской, кажутся къ ней примыкающими. Приближаясь къ дачѣ, въѣзжаете въ довольно густой боръ и по нѣсколькихъ оборотахъ дороги, начинаетъ сквозь рѣдѣющія вѣтьви деревъ показываться цѣль вашего путешествія—Люблино; еще нѣсколько саженъ, вы выѣзжаете изъ части лѣса, и оно въ обворожительномъ, прелестномъ видѣ представляется глазамъ вашимъ. Вообразите узкую долину, осѣнлемую съ лѣвой стороны дороги густымъ лѣсомъ и разныхъ величинъ курганами, изъ коихъ одинъ весьма при-

мѣчателенъ величиною своею и правильною круглостію, а по правую сторону оканчивающуюся разнообразными отлогостями и прекраснымъ прудомъ, обгибающимъ противолежащую возвышенность, на коей находится домъ владѣтеля. Скажемъ нѣсколько словъ о наружности зданія: оно прелестно; но ежели въ точности разсмотрѣть всѣ достоинства онаго, то таковой отзывъ весьма будетъ недостаточенъ. Главный корпусъ дома, какъ сказано ужѐ — находится на возвышеніи, открытомъ съ трехъ сторонъ и осѣняемымъ деревьями; планъ сего зданія есть правильный тупой крестъ, коего четыре оконечности соединяются выгнутыми хорошей формы двойными колоннадами, образующими площадки, или, такъ сказать, крытые балконы; вторый этажъ имѣетъ такую жъ форму, съ тою только разницею, что оный менѣе и

входящіе углы креста не прикрываются колоннадами; третій этажъ составляетъ ротонду или куполъ всего зданія; статуя, изображающая Аполлона, украшаетъ верхъ купола; съ перваго взгляду можно почесть домъ сей храмомъ, а разсматривая подробнѣе всѣ части сего прекраснаго зданія, не льзя не удивиться искусству зодчаго: домъ сей походитъ весьма много на сельскіе домы около Рима, и съ легкостію архитектуры имѣетъ въ себѣ нѣчто величественное, скрывающееся подъ формою милой сельской простоты. — Съ перваго взгляда на домъ сей, поражаетъ васъ нѣчто такое, что поселяетъ въ сердцѣ вашемъ родъ благоговѣнія; но чѣмъ болѣе разсматриваете, тѣмъ больше находите въ немъ легкости и простоты самой обворожительной; кажется, будто Архитекторъ ни сколько не думалъ надъ планомъ и

строилъ мѣряя своимъ воображеніемъ.

Такова наружность главнаго дома; посмотримъ теперь на внутренность: — комнаты расположены крестомъ, сообразно наружности; въ центрѣ круглая зала 20-ти шаговъ въ діаметрѣ, изъ нея четыре двери въ выдавшіеся концы зданія или углы креста; прямо противъ входа и влѣво два зала, по 22 шага длиною, украшенные прекрасною стѣнною живописью (al fresco), работы извѣстнаго живописца Скотти; другія два отдѣленія или углы креста обращены въ нѣсколько небольшихъ комнатъ; отсюда идетъ лѣстница въ средній этажъ, заключающій въ себѣ пять комнатъ, расположенныхъ такъ же крестомъ; съ правой стороны ходъ въ верхній этажъ, составляющій куполъ дома. Расположеніе комнатъ вообще всѣхъ трехъ этажей образуетъ звѣзду, отъ че-

го каждая комната и каждое окно представляетъ природу въ новомъ видѣ: тамъ, взоръ зрителя теряется въ необозримомъ протяженіи Москвы, коей злато-блестящія церковныя главы мелькаютъ подобно планетамъ въ лазоревомъ сводѣ неба; ослѣпительная бѣлизна зданій составляетъ прекрасную противуположность съ зеленью луговъ и полей, отдѣляющихъ столицу отъ прелестнаго Люблина; тамъ, село Коломенское съ Дворцемъ и Соборомъ, отличающимися древностію архитектуры и напоминающими намъ множество древнихъ событій; тамъ, рѣка Москва, извивающаяся между зеленыхъ береговъ ея; тамъ, монастырь Перервинской; тамъ прелестные сельскіе виды,—и словомъ, ежели Г. Гуннъ (сочинитель поверхностныхъ замѣчаній по дорогѣ изъ Москвы въ Малороссію), описывая Баклань, говоритъ слѣдующее: — „Истинно разсматри-

„вающій взоръ наблюдателя не „знаетъ, на которомъ предметѣ „ему остановиться. Повсюду вид- „на чрезвычайно обильная много- „образность въ обширномъ про- „странствѣ природы, и еслибъ сю- „да привесть хоть самаго Клавдія „Лореня, или какого-нибудь Вер- „нета, то и тотъ не вдругъ бы „рѣшился, какой изъ предметовъ „почесть самымъ лучшимъ.“ —то, что можно сказать о Люблинѣ? —

Пройдя по всѣмъ комнатамъ, не льзя не восхищаться вкусомъ отдѣлки всѣхъ частей роскошнаго убранства и живописью стѣнъ и потолковъ; послѣдняя, не взирая на то, что домъ сей построенъ въ 1801 году, не потеряла почти ничего изъ прежняго ея вида; особенно замѣчательна картина, украшающая плафонъ зала, обращеннаго къ югу; предметъ взятъ изъ Миѳологіи, и отдѣлка превосходна.

Подробное описаніе сего дома конечно могло бы занять любопытство того, кто не имѣлъ случая быть когда-либо въ Люблинѣ; но кто изъ жителей Московскихъ не былъ на сей дачѣ? Кому не извѣстны гостепріимствѣ и ласковость покойнаго обладателя оной?

И такъ выдемъ изъ сего храма вкуса и осмотримъ принадлежности онаго и окрестности: — въ послѣднихъ найдемъ много историческаго, много такого, что даетъ пищу уму и сердцу, особенно сердцу Россіянина, сладко трепещущему при имени *отечества*. — Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ главнаго дома на протяженіи горы расположены два двухъ-этажные флигеля, соединенные открытою галлереею; мнѣ не удалось быть въ нихъ, но судя по ихъ наружности и по большому дому, кажется, навѣрно положить можно, что внутренность оныхъ соотвѣтствуетъ наружному

виду; нѣсколько саженъ полѣвѣе находится каменный Театръ; здѣсь нѣкогда, при жизни покойнаго обладателя сей дачи, Г-на Дурасова, давались два раза въ недѣлю представленія; толпами стекались жители Московскіе въ веселое Люблино, и добрый помѣщикъ Рускій, не взирая на различіе состояній, предъ началомъ піэсы самъ размѣщалъ посѣтителей, и вѣрно въ благородной душѣ своей чувствовалъ то неоцѣненное удовольствіе, которое получаютъ, дѣлая пріятность другому.

Будучи любителемъ Театра, покойный Дурасовъ ободрялъ таланты своихъ актеровъ, и успѣлъ до того, что даваемые здѣсь піэсы разыгрывались очень хорошо, и что многіе изъ его труппы и до сихъ поръ находясь при Московскомъ Императорскомъ Театрѣ, занимаютъ значительныя роли.

Нынѣ нѣтъ здѣсь представленій, но жители столицы все ѣздятъ сюда проводить время, и принимаются съ тѣмъ же гостепріимствомъ, съ каковымъ и прежде; здѣсь во всякое время встрѣчается посѣтитель съ услужливостію: пожелаетъ ли онъ посмотрѣть домъ, Театръ, или хорошій садъ съ отличною оранжереею, приставленные къ сему служители все ему покажутъ и удовлетворятъ его любопытство. — Пройдя флигели и небольшую площадку, вы войдете въ оранжерею, и удивитесь царствующему здѣсь порядку и чистотѣ; вся оранжерея раздѣляется на десять залъ; шестая, составляющая средину сего весьма большаго зданія, круглая, покрыта куполомъ и освѣщается сверху; на самой срединѣ стоитъ отличное по величинѣ померанцевое дерево: тщательно сохраненное, оно заслуживаетъ особенное замѣчаніе; не го-

воря о томъ, что густыя вѣтьви его занимаютъ знатное пространство сего зала, скажемъ, что стебель онаго имѣетъ въ окружности 14 вершковъ; признаюсь, что подобнаго сему я не видалъ нигдѣ, даже въ Горенкахъ. Прекрасно сдѣланная кадь для онаго имѣетъ въ окружности $6\frac{1}{4}$ аршинъ, а въ вышину почти 2 аршина; дереву сему, какъ сказывали мнѣ, уже болѣе 120 лѣтъ, вывезено оно изъ за границы покойнымъ Графомъ Шереметевымъ и цѣнилось тогда здѣсь знатоками въ 12.000 рублей; шесть другихъ, также хорошихъ, но гораздо меньшихъ онаго, померанцевыхъ деревьевъ, составляютъ около его съ задней стороны залы полукружіе; вышина залы сей, установленныя здѣсь въ порядкѣ деревья, величина и густота оныхъ, все сіе вмѣстѣ заставляетъ посѣтителя забыть, что онъ въ оранжереѣ. Проходя по прочимъ заламъ

сего отдѣленія, вы увидите слѣдующія примѣчательнѣйшія деревья:

1-е, Два дерева, называемыя Юка: они принадлежатъ къ растеніямъ Американскимъ; 2-е, Магнолія грандифлера; 3-е, Оліумъ Фраграмъ; 4-е, отлично большое дерево Капорсовое; 5-е, пальма и 6-е, нѣсколько деревьевъ *Саги*. Вообще всѣхъ деревьевъ считается до 10 тысячъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда находится особое зданіе: это ананасное или цвѣточное отдѣленіе; здѣсь, кромѣ знатнаго количества растеній, примѣчательнымъ почесться должно дерево финиковое. Предъ оранжереями расположены парники, а за ними мѣсто, гдѣ воспитываются молодыя деревца. Вообще всѣ строенія, принадлежащія къ дачѣ сей, окружаются лѣсомъ, расчищеннымъ версты на двѣ во всѣ стороны, и здѣсь-то въ лѣтнее время располагаются парніями

Московскіе жители съ самоварами и обѣдами.

Далѣе за лѣсомъ симъ находится вышеупомянутая нами дача *Самарова гора*. Здѣсь нѣкогда въ лѣтнее время жилъ почтенный Исторіографъ нашъ Николай Михайловичъ Карамзинъ и, можетъ быть, здѣсь вдохновенный прелестями природы писалъ онъ свои прелестныя повѣсти: Лизу, Наталью Боярскую дочь, Илью Муромца, или, смотря на возвышающійся Кремль столицы, одушевлялся пламеннымъ желаніемъ сообщить потомству занимательную Исторію нашего Отечества; предъ глазами его была не только большая часть Москвы, но и знаменитыя ея окрестности, въ числѣ коихъ конечно первое мѣсто занимало Коломенское; взглядъ на сіи предметы не могъ не произвести впечатлѣнія въ душѣ сего пламеннаго сына Отечества: трудность исчезла предъ усердіемъ, и мы съ

удовольствіемъ читаемъ въ Исторіи Государства Россійскаго дѣла минувшихъ дней, покрытыхъ до того непроницаемымъ хаосомъ. —

Ежели позволено входить въ разборъ именованія урочищъ, то названіе Самаровой горы, по близости ея къ Люблину, можетъ слѣдующимъ историческимъ заключеніемъ подтвердить прежнее наше мнѣніе: разсматривая въ Географическомъ Словарѣ, Г-на Щекотова, рѣку Екатеринославской Губерніи, *Самару Днѣпрскую*, видимъ, что на нѣкоторомъ разстояніи отъ оной протекаетъ рѣка *Московка* и основанъ городъ *Новомосковскъ*. При сей же рѣкѣ, верстахъ въ 20-ти находится въ степи монастырь *Сергіевскій*, который въ Турецкую войну 1754 года укрѣпленъ былъ ретраншаментомъ. На сей же рѣкѣ, какъ извѣстно, былъ построенъ въ 1687 году Княземъ Васильемъ Васильевичемъ Голицынымъ городъ *Богородскъ*, име-

новавшійся также и *Самарою*; по заключенному при Прутѣ миру городъ сей раззоренъ и потомъ возобновленъ Генералъ-Фельдмаршаломъ Графомъ *Минихомъ*, подъ именемъ Самарскаго ретраншамента. Принявъ во уваженіе то, что здѣсь въ окрестностяхъ нѣтъ ничего такого, отъ чего бы имя *Самарской* произойти могло, слѣдуетъ заключить, (и кажется достовѣрно), что урочище сіе принадлежало Князю Голицыну, и получило названіе сіе на память Крымскаго похода его, и основаннаго имъ города *Самары*; и отъ сей Самарской горы находятся недалеко и городъ Богородскъ и Сергіевской монастырь; а предположивъ, что сей же Голицынъ или отецъ его былъ при осадѣ Люблина, можно заключить, что Люблино точно получило имя свое отъ города *Люблина*, взятаго Россіянами въ царствованіе Алек-

сѣя Михайловича, и есть памятникъ сего славнаго событія.

Въ недальнемъ разстояніи отъ Люблина къ сторонѣ Самаровой горы встрѣчаете вы два близкихъ другъ къ другу кургана; что означаютъ они, неизвѣстно. Много подобныхъ встрѣчаемъ мы въ отечествѣ нашемъ, но подлинная причина оныхъ еще не открыта; мы знаемъ только то, что насыпали таковые бугры на могилахъ убитыхъ на брани воиновъ; и такъ они не суть ли слѣдствія облежанія Москвы Татарами или Поляками? Можетъ быть, на мѣстѣ семъ происходила битва, и сіи круглые холмы скрываютъ подъ собою прахъ храбрыхъ воиновъ; въ такомъ случаѣ мѣсто сіе еще для насъ замѣчательнѣе; Герой, первоначально владѣвшій симъ мѣстомъ, конечно зналъ, что въ землѣ его дачи находится драгоцѣнность — прахъ падшихъ за Вѣру и

отечество. — Читая Исторію, мы дивимся поступку Леонида съ 300 Спартанъ; но почему знать, можетъ быть предки наши оказали здѣсь — въ виду Москвы, — матери градовъ Россійскихъ — подвигъ еще знаменитѣйшій, нежели падшіе при проходѣ Термопильскомъ?... Въ тѣ времена въ отечествѣ нашемъ еще не знали, какъ полезно передавать изъ вѣка въ вѣкъ событія, и воины Рускіе по простотѣ нравовъ и мыслей своихъ, не полагали, что въ послѣдствіи времени будутъ дивиться ихъ храбрости: они думали, что умирая за отечество, сохраняютъ они честь его и славу, и слѣдственно исполняютъ только долгъ свой! Имена первыхъ и дѣла ихъ сохранены для потомства, а храбрые сыны хладнаго сѣвера умерли въ неизвѣстности, и развѣ только просвѣщенный странникъ взойдя на курганъ сей, скажетъ: *здѣсь по-*

*коляся кости храбрыхъ*, и съ умиленнымъ сердцемъ помолится о успокоеніи душъ ихъ. Оставя курганы, вы выходите на межу или границу Люблина и Самаровой горы: здѣсь оканчивается лѣсъ, видны излучины Москвы рѣки, мѣстами противоположный ея берегъ, Коломенское и нѣсколько деревень въ такомъ обворожительномъ смѣшеніи, что всякое о немъ описаніе было бы недостаточно.

Вотъ и монастырь, такъ называемый Перервинскій: основаніе онаго относится къ XVI вѣку, но причины не извѣстны; должно полагать, что также какое нибудь важное происшествіе было причиною построенія онаго, ибо какъ извѣстно, не всегда одно усердіе къ святынѣ, но большею частію благодарность, соединенная съ благоговѣніемъ къ святынѣ, была виною построенія храмовъ и учрежденія монастырей въ Россіи;

какъ бы то ни было, но близость сей обители къ столицѣ и Коломенскому, должна свидѣтельствовать о важности причины основанія оной. Здѣсь Преосвященный Митрополитъ Платонъ учредилъ Семинарію, а нынѣ переведена сюда и Духовная Академія. Выстроенный для сего домъ, каменная ограда монастырская и возвышающіяся изъ за вѣковыхъ деревьевъ главы храма представляютъ прекрасную для глазъ картину.

Къ юго-востоку отъ Люблина чрезъ лѣсъ видѣнъ монастырь Угрѣжскій, во имя Святаго Николая, отстоящій отъ описываемой нами дачи въ семи верстахъ; по запискамъ монастырскимъ значится, что оной основанъ въ 1381 году, при Великомъ Князѣ Димитріѣ Іоанновичѣ Донскомъ (смотри Ист. описаніе находящихся въ Россіи Епархій, Монастырей и Церквей. С. П. Б. въ тип. Глазунова 1819),

„которому во время похода про-
„шивъ Мамая на семъ мѣстѣ на со-
„снѣ явилась икона Святаго Чудо-
„творца Николая; по одержаніи же
„надъ Мамаемъ побѣды, по соизво-
„ленію Великаго Князя, сооруженъ
„тутъ храмъ во имя Святаго Угод-
„ника и мѣсто прозвано Угрѣша.“—
И такъ здѣсь проѣзжалъ нашъ не-
забвенный побѣдитель Мамая къ
ополченію своему: здѣсь, можетъ
быть, съ сокрушеннымъ сердцемъ
молилъ онъ Всевышняго о спасеніи
отечества и престола отъ нашес-
твія врага иноплеменнаго, и, мо-
жетъ быть, здѣсь, по древнему
обыкновенію, останавливался онъ,
обращался къ городу, (которой ка-
жется съ сей стороны далѣе и ви-
дѣнъ быть не могъ) молился на
храмы его, и такъ прощался съ
*Москвой бѣлокаменной*. Кто поруч-
ится намъ, что Герой нашъ не
пролилъ здѣсь слезъ горести? —
Онъ оставлялъ мѣсто своего рож-

денія, оставлялъ престолъ родительскій, и наконецъ оставлялъ супругу и дѣтей своихъ, слѣдственно не могъ быть равнодушнымъ. — Вотъ памятникъ, дѣлающій прелестное Люблино еще милѣе для сердца Русскаго!

Скажемъ въ заключеніе, что и понынѣ дача сія составляетъ предметъ прогулокъ многихъ Московскихъ жителей; что и понынѣ странникъ обрѣтаетъ здѣсь почтенныя добродѣтели предковъ нашихъ: *гостепріимство* и *радушіе*.

*Иванъ Гурьяновъ.*